

Глава 1

Доктор Галлам спешил через вестибюль Центральной городской больницы, не останавливаясь, чтобы ответить на вызов жужжавшей в кармане рации, поскольку операционная бригада знала: он уже в пути, — а для остальных было еще рано, начало пятого утра. Его мозг лихорадочно работал, анализируя данные, полученные двадцать минут назад по телефону. Несколько недель они ждали этого донора, но сейчас было почти поздно... почти. Двери лифта раскрылись на шестом этаже, и он стремительной походкой направился к сестринскому посту перед дверью с надписью «Интенсивная кардиология».

— Салли Блок уже отправили наверх?

Сестра подняла на него глаза, и тут же сосредоточилась, как случалось всегда при виде Питера Галлама. Этот высокий подтянутый седовласый мужчина с голубыми глазами и мягким голосом вызывал в людях душевный трепет. Он выглядел так, словно врач, сошедший со страниц женского романа: в нем сочеталась природная доброта и мягкость с мужской силой. Он напоминал благородного скакуна: всегда с натянутыми поводьями, рвущегося вперед, стремящегося сделать больше, вступить в единоборство со временем и вырвать у смерти еще хоть одну жизнь — мужчины, женщины, ребенка. Он часто по-

беждал, но не всегда. Бессилие раздражало его, более того — причиняло боль, отчего вокруг глаз залегли морщины, а в душе затаилась глубокая печаль. Он почти ежедневно творил чудеса, но мечтал о большем: спасти всех, — хотя и понимал, что это невозможно.

— Да, доктор, — поспешно кивнула сестра. — Ее только что отвезли наверх.

— Она была готова?

Это была еще одной его отличительной чертой. Сестра мгновенно поняла, что он имел в виду под этим «готова». Совсем не легкое успокаивающее или внутривенный укол, сделанный перед тем как девушку увезли из палаты в операционную. Он спрашивал, как она себя вела, что чувствовала, кто говорил с ней, кто сопровождал ее. Ему хотелось, чтобы все его пациенты знали, через какие испытания им придется пройти, насколько трудная задача стоит перед врачами и как самозабвенно они будут пытаться спасти жизнь каждого, и были готовы вступить за нее в борьбу вместе с ними.

«Если по пути в операционную они не будут верить, что у них есть шанс выиграть сражение, то мы с самого начала обречены на провал», — говорил он своим студентам, и это были не просто слова. Он сражался, не жалея себя, и это дорого ему обходилось, но спасенные жизни стоили таких усилий. Результаты, полученные им за последние пять лет, за редким исключением поражали, но эти самые исключения очень много значили для Питера Галлама. «Он совершенно удивительный: сильный, благородный и необыкновенно привлекательный», — с улыбкой отметила медсестра, когда доктор поспешил к маленькому лифту в конце коридора.

Лифт быстро поднял его на нужный этаж, и Питер оказался перед входом в операционную, где со своей бригадой проводил сложные операции по пересадке сердца. Именно такая предстояла сегодня ночью.

Двадцатидвухлетняя Салли Блок в детстве перенесла ревматическую атаку и почти всю сознательную жизнь была ограничена в движении и принимала горы лекарств. Ей уже делали, и не раз, пересадку клапанов и множество медикаментозных блокад, а несколько недель назад, когда она поступила в Центральную городскую больницу, они с коллегами пришли к выводу, что поможет ей только пересадка сердца, но до сих пор не было донора, вплоть до сегодняшней ночи. В половине третьего группа молодчиков устроила гонки в долине Сан-Фернандо, и несколько человек разбились. Тут же заработала прекрасно организованная система по выявлению и поставке доноров, и Питер Галлам узнал, что появился подходящий. Только бы Салли смогла перенести операцию и ее организм не отторг новое сердце, которое они ей подарят.

Он переоделся в бледно-зеленый хлопчатобумажный операционный костюм, тщательно вымыл руки, и хирургическая сестра помогла ему надеть перчатки и маску. Три врача, два стажера и несколько операционных сестер уже ждали его, но Питер Галлам, казалось, даже не заметил их, входя в операционную. Его взгляд тотчас устремился на Салли, неподвижно лежавшую на операционном столе. Яркий свет ламп слепил ей глаза. Даже в стерильной одежде и зеленой шапочке, скрывавшей длинные светлые волосы, она выглядела как принцесса. Салли очень хотела стать художницей, поступить в колледж, влюбиться, выйти замуж, родить детей. Питера, несмотря на шапочку

и маску, она узнала и сонно улыбнулась сквозь дымку наркоза.

— Привет!

Она выглядела такой хрупкой с огромными глазами на изможденном лице и напоминала разбитую фарфоровую куклу.

— Привет, Салли. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. — Улыбнулась девушка в ответ на такой знакомый и по-отечески добрый взгляд.

За последние две недели она хорошо узнала доктора Питера: он дал ей надежду и нежность, окружил заботой, — и одиночество, в котором она жила долгие годы, стало казаться ей уже не таким горьким.

— Нам предстоит большая работа, но ты не переживай. — Питер понаблюдал за ней, потом посмотрел на приборы и опять перевел взгляд на нее. — Страшно?

— Немного.

Доктор Галлам знал, что Салли хорошо подготовлена, поскольку потратил немало времени, чтобы донести до нее, как будет проходить операция, какие опасности могут подстергать после, а также какое медикаментозное лечение предстоит. И вот решающий момент настал: он вдохнет в нее новую жизнь, она родится из его души, из кончиков его пальцев. Она словно заново родится.

Анестезиолог подошел к изголовью операционного стола и посмотрел на Питера Галлама. Тот медленно кивнул и опять улыбнулся Салли.

— Скоро увидимся.

Правда, пройдет часов пять-шесть, прежде чем она отойдет от наркоза. Все это время за ней будут наблюдать в послеоперационной палате, перед тем как перевести ее в отделение интенсивной терапии.

— Вы будете рядом, когда я проснусь? — с тревогой в голосе спросила девушка, и он поспешно кивнул:

— Конечно, не волнуйся: я всегда буду рядом.

Питер сделал знак анестезиологу, вскоре под действием наркоза ее глаза закрылись и, спустя несколько минут операция началась.

Прошло четыре долгих часа, прежде чем на лице Питера Галлама, с каплями пота на лбу, появилось выражение удовлетворения и победы: донорское сердце заработало. На какое-то мгновение он поймал на себе взгляд сестры, стоявшей напротив, и улыбнулся из-под маски.

— Работает.

Питер понимал, что они выиграли только первый раунд. Примет ли организм Салли новое сердце или отторгнет? Как и у всех пациентов с трансплантированным сердцем, шансы выжить у нее не особенно велики, однако все же выше, чем без операции. В ее случае это и вовсе была единственная надежда. В девять пятнадцать Салли Блок увезли в послеоперационную палату, а Питер Галлам смог наконец передохнуть — впервые с половины пятого утра. Пока будет отходить наркоз, он может выпить чашку кофе и немного поразмышлять: операции такой сложности буквально изнурили его.

— Блестящая работа, доктор! — подошел к кофемашине врач-стажер, все еще под впечатлением от увиденного.

Питер, налив себе чашку черного кофе, повернулся к молодому человеку, и улыбнулся:

— Спасибо.

Как же этот юноша похож на его сына! Питер был бы безмерно рад, если бы Марк посвятил себя меди-

цине, но увы: молодой человек предпочел заняться бизнесом в сфере юриспруденции. Его привлекал куда более широкий мир, чем тот, в котором жил Питер. К тому же за долгие годы сын успел насмотреться, как выкладывается отец, как переживает смерть каждого своего пациента. Это было не для него. Питер прикрыл глаза, сделал глоток очень крепкого кофе и подумал, что, возможно, это и к лучшему, а потом снова обернулся к стажеру:

— Вы впервые видели пересадку сердца?

— Нет, это вторая операция. Первую тоже исполнили вы.

Это слово — «исполняли», — как никакое другое, подходило к их работе. Обе пересадки, за которыми наблюдал молодой человек, представляли собой действительно виртуозное исполнение хирургом его роли. До этого ему никогда в жизни не приходилось испытывать такое напряжение, как при разыгравшейся в операционной драме. Наблюдать за ходом операции, которую исполнял Питер Галлам, это как лицезреть балет, где главную партию танцевал Нижинский*. Это был великий мастер своего дела.

— Каков ваш прогноз?

— Слишком рано говорить об этом, но надеюсь, что все обойдется.

Питер поднялся и, надевая поверх костюма стерильный халат для посещения послеоперационной палаты, молил Бога, чтобы эти надежды оправдались.

За каждым вздохом Салли наблюдала сестра и следила целая батарея мониторов. Но Питер знал,

---

* Нижинский Вацлав Фомич (1889 или 1890—1950) — российский артист балета, балетмейстер, хореограф-новатор. — *Здесь и далее примеч. ред.*

что обольщаться рано: все может очень быстро измениться, как уже случалось прежде.

Он сел на стул возле кровати и еще раз мысленно обратился к Господу с мольбой, чтобы на сей раз все обошлось.

Глядя на Салли, Питер изо всех сил старался не видеть другое лицо, не вспоминать другой случай, который стоял у него перед глазами... Он опять видел ее в последние часы: утратившей желание бороться, потерявшей надежду... Он ничего не мог поделать. Она так и не позволила ему попытаться спасти ее. Какие бы доводы он ни приводил, как бы ни старался уговорить, она отказалась, хотя и был донор. В ту ночь он бился головой о стену в ее палате, а затем, сев в автомобиль, помчался с бешеной скоростью домой по пустынной дороге. Его остановили за превышение скорости, но ему было все равно: ни о чем другом, кроме нее, он думать не мог. Его заставили выйти из машины и пройти тест на алкоголь, но он не был пьян: оцепенел от боли. Ему сделали замечание и отпустили, выписав штраф. Дома он слонялся из угла в угол и едва ли не выл, как раненый зверь. Ему так не хватало любимой нежной Анны, ее заботы и поддержки. Он не верил, что сможет жить без нее: даже дети казались ему далекими, ненужными, — и все его мысли были только о ней. Долгие годы совместной жизни так убедили его в ее силе: ведь только благодаря ей он смог добиться успеха. Она была для него всем: подругой, советчиком, музой, вдохновительницей, критиком, строгим судьей, — и вдруг все кончилось. В ту ночь Питер почувствовал себя одиноким брошенным ребенком, а на рассвете внезапно понял, что должен немедленно вернуться к ней, чтобы сказать то, чего никогда не говорил прежде.

Он помчался обратно в больницу, проскользнул в ее палату, и, отослав медсестру передохнуть, сел возле кровати, нежно взял ее за руку и принялся гладить волосы. Перед самым рассветом она открыла глаза и едва слышно, одними губами, произнесла:

— Питер...

— Я люблю тебя, Анна.

У него на глаза навернулись слезы, и ему захотелось крикнуть: «Не уходи!»

А она улыбнулась ему, испустила легкий вздох и затихла. Он вскочил, объятый ужасом, обхватил ладонями родное лицо и разрыдался. Почему она не стала бороться? Почему не позволила ему попытаться спасти ее? Почему не захотела принять то, что другие получали от него почти ежедневно? Он не мог ни понять, ни смириться с этим. Он не мог отвести от нее взгляда, судорожно всхлипывая, пока кто-то из коллег не увел его. Потом его отвезли домой и уложили в постель, а следующие несколько недель он почти не помнил. Его жизнь напоминала существование во мраке до тех пор, пока он в конце концов не осознал, как отчаянно нуждаются в нем дети. Мало-помалу он вернулся в реальный мир, даже смог приступить к работе, но теперь постоянно чувствовал пустоту, которую ничто не могло заполнить. Его живительным источником всегда была Анна. Мысли о ней ни на миг не оставляли его. Ее образ возникал перед ним, когда уходил на работу, когда посещал в палатах больных, когда шел в операционную или к своей машине в конце дня. И каждый раз, когда подходил к дому, как будто нож вонзался ему в сердце при мысли, что ее там нет.

Прошло больше года, и боль немного притупилась, но Питер подозревал, что она не уйдет никогда. Единственное, на что он был способен, — это продолжать

работать, отдавать все, что мог, тем, кому требовалась помощь. И потом, были еще Марк, Пам и Мэтью, слава богу: без них он ни за что бы не выжил. Они заставили его оставаться на плаву и продолжать жить, хотя мир стал без Анны совершенно другим.

Он сидел в тишине послеоперационной палаты, вытянув ноги, напряженно прислушиваясь к дыханию Салли, и думал, вспоминал...

Наконец веки ее дрогнули, она на мгновение открыла глаза и смутным взглядом обвела палату.

— Салли, это я, Питер Галлам. Все закончилось, и с тобой все в порядке.

Он не сказал ей того, о чем запрещал себе даже думать. Она жива. Она все перенесла. Она должна жить, и он сделает для этого все возможное.

Питер еще час просидел у ее постели, и всякий раз, когда Салли приходила в сознание, что-то ей говорил, а перед тем, как уйти, даже добился от нее слабой, едва уловимой улыбки. После полудня он заглянул в кафетерий перекусить и ненадолго зашел в свой кабинет, прежде чем отправиться на вечерний обход пациентов, и только в половине шестого поехал домой. Ему все еще трудно было смириться с мыслью, что дома его не ждет Анна. «Когда же я с замиранием сердца перестану ждать, что увижу ее? — спрашивал он себя. — Когда смогу убедить себя, что ее больше нет?»

Душевные муки его состарили: лицо больше не светилось жизнелюбием и уверенностью, что ничего плохого с ним никогда не случится, потому что это невозможно: у него трое прекрасных детей, достойная восхищения жена, удачная карьера. Он без особых сложностей добрался до вершины, и ему нравилось там. А что теперь? Куда ему идти и с кем?

Глава 2

Ослепительно белый свет на телестудии в Нью-Йорке был под стать операционной в Центральной городской больнице Лос-Анджелеса. В не освещенных прожекторами углах павильона гуляли сквозняки и было прохладно, но в центре, где соединялись лучи, казалось, что кожа того и гляди лопнет от жары и слепящего света. Создавалось ощущение, что все в помещении сфокусировалось на объекте, попавшем в луч прожектора, и туда же, в центр луча, в эту узкую полосу, на островок сцены, к безликому коричневому столу и ярко-голубому заднику с единственным начертанным на нем словом людей тоже притягивало. Но взгляд останавливался не на этом слове, а на пустом кресле, похожем на трон, ожидавшим своего хозяина — короля или королеву. Вокруг суетились техники, операторы, гримеры, стилисты, два помощника режиссера-постановщика, сам режиссер; тут же слонялись любопытные статисты и просто зеваки.

— Пять минут!

Все было как обычно, и отсчет времени ничем особенным не выделялся, тем не менее выпуск вечерних новостей в некотором роде походил на шоу. В белом свете прожекторов все выглядело немного нереальным, и сердца начинали учащенно стучать при этих звуках: «Пять минут! ... Три! Две! ...» Такие же слова можно услышать за кулисами на Бродвее или в лондонском «Альберт-холл», когда на сцену выплывала какая-нибудь примадонна, только здесь не было никакой помпезности: команда щеголяла в кроссовках и джинсах, — хотя тоже присутствовала своя магия, взволнованный шепот, ожидание.

Мелани Адамс всем своим существом ощущала это, решительно ступая на подмости. Как всегда, ее появление было отточено до совершенства. До выхода в эфир у нее оставалось ровно сто секунд, и эти секунды были необходимы, чтобы еще раз просмотреть заметки, бросить взгляд на лицо режиссера: нет ли чего-нибудь экстренного, о чем ей следует знать, — и сосчитать про себя до десяти, чтобы успокоиться.

Как обычно, это был долгий день. Она закончила репортаж о детях, ставших жертвами насилия. Тема не из приятных, но Мелани прекрасно справилась, и к шести часам начинала сказываться усталость. «Пять, — пальцы помощника режиссера показали последний отсчет. Четыре... три... две... одна».

— Добрый вечер. — Отработанная улыбка никогда не казалась натянутой, и волосы цвета коньяка, в свете софитов блестели как обычно. — Вас приветствует Мелани Адамс с вечерними новостями.

Президент выступил с речью... в Бразилии произошел военный переворот... акции на бирже резко упали... на местного политического деятеля сегодня утром было совершено нападение, когда он выходил из дому... Были и другие новости... Эфир, как всегда, шел без заминки. Весь облик Мелани говорил о бесспорной компетентности, что обеспечивало ей прекрасный рейтинг и создавало огромную популярность. Она была известна всей стране уже более пяти лет, хотя мечтала совсем о другой карьере, политолога, но в девятнадцать лет была вынуждена бросить колледж из-за рождения близнецов. С тех пор прошло много времени, и телевидение уже давно стало ее жизнью. И еще дети. Было у нее и кое-что еще, но работа и дети всегда оставались на первом месте.

По окончании выхода в эфир она собрала со стола свои заметки.

— Прекрасное, Мел, как, впрочем, и всегда! — Режиссер по обыкновению остался доволен.

— Спасибо.

Она всегда держалась немного отчужденно, не забывая о субординации. Но если раньше этим она прикрывала свою застенчивость, то теперь это вошло в привычку. Вокруг нее крутилось слишком много любопытных, мечтавших что-нибудь подсмотреть, узнать, подслушать, чтобы потом похвастаться.

Сейчас, когда ей оборачивались вслед в магазине, на прогулке, Мелани Адамс внешне хоть и выглядела всегда сдержанной, но в душе по-прежнему испытывала неловкость.

После эфира Мел направилась в свой кабинет, чтобы снять лишний грим и забрать перед уходом сумочку, но редактор резко взмахнул рукой и крикнул:

— Можешь задержаться на секунду, Мел?

Как обычно, выглядел он взбудораженным, и Мелани тяжело вздохнула, потому что «задержаться на секунду» могло означать все что угодно, в том числе и вероятность проторчать весь вечер в студии. Кроме обычных выпусков новостей она вела и экстренные, так что одному богу известно, что они припасли для нее на сей раз. Она стала настоящим профессионалом, и по внешнему виду редко можно было определить ее настроение, но репортаж о детях — жертвах насилия вывел ее из строя, хотя благодаря умелому макияжу она выглядела бодрой и полной сил.

— Что-то случилось?

— Мне бы хотелось тебе кое-что показать. — Редактор вытащил кассету и вставил в видеомагнитофон. — Мы дали анонс в час дня, но я решил, что

для вечерних «Новостей» материала недостаточно. Вот хочу поручить раскрутить эту тему тебе.

Мел сосредоточила внимание на экране. Шло интервью с девятилетней чернокожей девочкой, которой была крайне необходима пересадка сердца, но до сих пор родителям не удалось найти для дочери донора. Сочувствующие люди создали даже специальный фонд для этой милой девчушки, вид которой с первого взгляда трогал душу. Мел почти сожалела, что увидела этот сюжет. Очередная бедняжка, которой нужна помощь, но никто не в силах ей ее оказать. Она испытывала те же чувства, пока работала над репортажем о детях, ставших жертвами насилия. Неужели ей не могут подбросить для разнообразия какой-нибудь громкий политический скандал? Зачем еще одна сердечная боль?

— Ну и чего ты от меня хочешь?

— Думаю, зрителям будет интересно наблюдать за судьбой этой девочки. Ты могла бы сделать серию репортажей, помочь в сборе средств, поискать докторов, готовых взяться за операцию.

— О, ради бога, Джек... Почему все это сваливается на меня? Неужели я теперь стала представительницей какого-то общества по защите детей?

У Мелани был очень длинный день: из дому она ушла в шесть утра, — поэтому раздражение скрыть не удалось.

— Послушай, — устало вздохнул редактор, — никто лучше тебя не сделает это. Мало того, что мы поможем родителям Патти Лу найти кардиохирурга, но и показать в прямом эфире, как ей сделают пересадку. Мел, это же будет сенсация!

Она медленно кивнула: из этого действительно может получиться хороший материал, но чего это будет стоить!